

Научная статья

УДК 347.918

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.77.98

Принудительное исполнение решения третейского суда как «публичный» элемент процессуальной формы арбитража

Анна Николаевна Петрунева

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия, a.n.petruneva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6835-7087>

Аннотация

На протяжении длительного времени предпринимаются попытки внедрить в отечественную правовую действительность альтернативные формы урегулирования (разрешения) споров, в целом, и разбирательство дела в третейском суде, в частности. Несмотря на значительный период действия правовых норм в указанной сфере, сохраняются комплексные проблемы, препятствующие субъектам правоотношений в полной мере использовать для защиты прав третейское разбирательство. Необходим полноценный механизм судебной защиты посредством арбитража и последующего исполнения решения третейского суда. В статье обосновывается вывод, что широкое толкование процессуальной формы предоставляет возможность для формирования целостного понимания механизма защиты прав в рамках реализации альтернативной формы (арбитража). Исследование предполагает деятельностный подход (позволяет установить нацеленность права, правовых институтов и норм на достижение фактических результатов), в рамках которого правосудие, как и третейское разбирательство, анализируется с точки зрения правоприменения. Функционирование государственного суда определяется как публичное правоприменение, а третейское разбирательство именуется правоприменительной деятельностью частного характера, реализуемой в процессуальной форме. Основным критерием разделения данных видов деятельности по рассмотрению и разрешению гражданских дел выступает правовая природа органа, рассматривающего дело. Применение деятельностного подхода для анализа сущности третейского разбирательства способствует характеристике арбитража в контексте механизма защиты гражданских прав субъектов. Механизм защиты в рамках

альтернативной формы не исчерпывается исключительно деятельностью третейского суда, поэтому частноправовая по своей природе процессуальная форма дополняется факультативным «публичным» элементом. Раскрывается правовая природа принудительного исполнения решения третейского суда как неотъемлемой части единой системы, призванной обеспечивать реальное восстановление прав субъектов, чей спор был разрешен по существу третейским судом. В содержании «публичного» элемента процессуальной формы арбитража выделяются этапы, которые реализуются соответствующими государственными органами. Спецификой «публичного» элемента, предусматривающего возможность принудительного исполнения решения третейского суда, является деятельность в гражданской процессуальной форме.

Ключевые слова

механизм судебной защиты, третейское разбирательство, решение третейского суда, принудительное исполнение, процессуальная форма арбитража, выдача исполнительного листа

Для цитирования: Петрунева А.Н. Принудительное исполнение решения третейского суда как «публичный» элемент процессуальной формы арбитража // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 77–98. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.77.98.

Research article

Compulsory Enforcement of Arbitrary Award as a «Public» Element of Procedural Form of Arbitration

Anna N. Petruneva

Volga-Vyatka Institute (branch), Moscow State Law Kutafin University (MSAL), Kirov, Russia, a.n.petruneva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6835-7087>

Abstract

Over extended periods attempts are made to apply alternative dispute resolution methods in general and arbitration legal proceedings among other things in the Russian legal system. Despite of the legal norms that have existed in this sphere for a long time, there are complex problems preventing subjects that are in a legal relationship from using arbitration proceeding for the defense of rights to the full. This refers to the necessity of creating a proper remedy device by means of arbitration and the following enforcement of the judgment rendered by arbitration court. In the article we validate the conclusion that broad interpretation of a procedural form grants an opportunity of forming holistic comprehension of the remedy device in the framework of implementation of the alternative form (arbitration). The research is aimed at the activity approach (allows to focus the law, legal institutions and norms on achieving practical results) within which justice as well as arbitration is analyzed in view of administration of law. Functioning of a state court is defined as public administration of law, while arbitration is referred to as private process of law realized in a procedural form. The main

criteria for separation of these two processes of considering and resolving civil disputes is the legal nature of the organ that deals with the case. The application of activity approach for the analysis of the essence of arbitration contributes to characteristics of arbitration in context of the remedy device for subjects' civil rights. The remedy device in the framework of an alternative form is not limited exclusively to arbitration proceeding; thus the procedural form being private in its nature is supplemented by an optional «public» element. We demonstrate the legal nature of compulsory enforcement of arbitrary award as an integral part of a uniform system aimed at practical restoration of rights of the subjects in case the dispute between them was resolved by means of arbitration. In the content of the «public» element of the procedural form we distinguish stages that are realized by appropriate state organs. Specific character of the «public» element that provides an opportunity of compulsory enforcement of arbitration award is implementation of activity in civil procedural form.

Keywords

remedy device, arbitration proceeding, arbitration award, compulsory enforcement, procedural form of arbitration, issuance of enforcement order

For citation: Petrunova A.N. (2021) Compulsory Enforcement of Arbitrary Award as a "Public" Element of Procedural Form of Arbitration. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 5, pp. 77–98. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.77.98.

Введение

Статья 38 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 382)¹ содержит положение: «Стороны, заключившие третейское соглашение, принимают на себя обязанность добровольно исполнять арбитражное решение». Значит ли это, что возможность принудительно исполнить решение третейского суда противоречит самой природе арбитража? Цель настоящего исследования — обоснование гипотезы, что в процессуальную форму арбитража включается «публичный» элемент принудительного исполнения, связанный с задачами государства в сфере правового регулирования деятельности третейских судов. Это обусловлено прежде всего тем, что принудительное исполнение является непосредственным элементом механизма судебной защиты гражданских прав субъектов.

Исследование предполагает использование деятельностного подхода, в рамках которого правосудие, как и третейское разбирательство, рассматривается в контексте правоприменения. При этом деятельность государственного суда определяется как публичное правоприменение, а третейское разбирательство именуется правоприменительной деятельностью частного характера. Основным критерием для разделения данных видов деятельно-

¹ СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

сти по рассмотрению и разрешению гражданских дел выступает правовая природа органа, рассматривающего дело. Также существенным обстоятельством выступает цель правоприменения. Она является общей как для деятельности по отправлению правосудия, так и для третейского разбирательства — защита нарушенных или оспоренных гражданских прав субъектов. Стоит отметить, что в настоящей работе цель судебной защиты и задачи гражданского судопроизводства не отождествляются.

Единой целью судебной защиты является восстановление нарушенных прав субъекта, что подчеркивалось в решениях Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ). При этом общая цель достигается посредством последовательного решения задач, стоящих перед государственными органами, на которые возложена реализация единого механизма защиты прав субъектов. Таким образом, решение судом задач гражданского судопроизводства, а затем, при уклонении стороны от исполнения судебного акта, реализация федеральной службой судебных приставов задач исполнительного производства обеспечивают достижение общей государственной гарантии прав граждан и организаций.

Отметим, что поскольку защита нарушенных или оспоренных гражданских прав предполагает их восстановление, то при характеристике правосудия или третейского разбирательства необходимо использовать понятие «механизм защиты прав». Такая категория обеспечивает в настоящей работе, с одной стороны, возможность проанализировать третейское разбирательство как единую целостную систему, обеспечивающую не только рассмотрение и разрешение гражданского дела, но и восстановление нарушенных или оспоренных гражданских прав субъектов, и позволяет избежать умаления значения арбитража как полноценного альтернативного государственному порядку разрешения спора. С другой стороны, эта категория дает возможность, используя деятельностный подход, исследовать процессуальную форму механизма третейского разбирательства, выявить ее особенности.

1. Правовая природа процессуальной формы арбитража

1.1. Место арбитража в механизме судебной защиты прав

В теории государства и права, а также отраслевых наук наиболее разработанным является понятие «механизм защиты прав человека». Это обусловлено прежде всего приоритетом прав человека, закрепленном на уровне международных актов. Поскольку именно государство берет на себя обязательства по гарантии закрепленных в нормативных актах прав, то более широкое употребление термина «механизм защиты» встречается примени-

тельно к реализации судебной формы защиты. Приоритетным способом реализации механизма защиты прав является рассмотрение и разрешение дел в судебном порядке. Суд в ходе рассмотрения и разрешения дел всегда осуществляет правоприменительную деятельность. Значит, имея в виду механизм судебной защиты, фактически мы говорим об особой форме реализации права.

Несмотря на кажущуюся простоту устройства механизма, в доктрине существует весьма широкий перечень терминов, которыми оперируют как представители науки гражданского права, так и ученые-процессуалисты. Речь идет о содержательном наполнении и соотношении категорий «форма защиты», «судебная форма», «юрисдикционная форма защиты», «гражданская процессуальная форма».

Проанализируем соотношение понятий «механизм защиты гражданских прав» и «форма защиты». На наш взгляд, механизм защиты следует всегда рассматривать как систему. Под системой в общем ее смысле понимается «совокупность элементов произвольной природы, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность»². Механизм защиты гражданских прав возможно определить как систему взаимосвязанных правовых явлений, при последовательной реализации которых посредством правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов (органов) достигается общая цель — реальное восстановление нарушенных гражданских прав граждан и организаций.

В вопросе соотношения категорий «механизм защиты гражданских прав» и «форма защиты» согласимся с позицией Т.В. Сахновой: «следует учитывать: в нашей стране формы защиты исторически развивались — наглядно в XX веке — не столько в зависимости от специфики деятельности по защите, сколько в соответствии с развитием системы юрисдикционных органов. Формы защиты, в первую очередь, соотносились с органом защиты, а не с особенностями деятельности по защите» [Сахнова Т.В., 2014: 14].

Именно поэтому (и чтобы не допустить смешения с процессуальной категорией «гражданская процессуальная форма») определим, что в интересах терминологической точности в дальнейшем будем вести речь не о «судебной форме защиты», а о защите гражданских прав в судебном порядке. Таким образом, снимается противоречие между междисциплинарными различиями в понимании термина «форма защиты», что позволяет не умалять содержательно целостное понятие «гражданская процессуальная форма».

² Автор определения: А.С. Бергман. См.: Гуманитарная энциклопедия. Авторы: В.Н. Садовский, А.Ю. Бабайцев, Н.Д. Дроздов, В.Н. Чернышов, А.В. Чернышов, А.В. Александров. Подготовка электронной публикации и общая редакция Центра гуманитарных технологий. Информация на странице периодически обновляется. Последняя редакция: 16.11.2021. Available at: URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7091> (дата обращения: 04.12.2021)

Вместе с тем в доктрине широко употребляется термин «судебная форма защиты» [Громошина Н.А., 2010]; [Детярев С.Л., 2007]; [Жилин Г.А., 2000]; [Жуйков В.М., 1997]; [Малешин Д.Я., 2011]; [Мурадян Э.М., 2003]; [Решетникова И.В., Ярков В.В., 1999]. Поэтому коснемся данной проблемы исключительно в контексте ответа на вопрос, к какой форме относится третейское разбирательство.

Превалирующей в цивилистической науке на сегодняшний день является концепция, в соответствии с которой «защита субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в двух формах: юрисдикционной и неюрисдикционной. Основным критерием разграничения указанных форм выступает: во-первых, привлечение стороннего органа или субъекта для разрешения спора; во-вторых, вынесение в результате рассмотрения и разрешения дела обязательного для сторон решения. При этом далее в рамках юрисдикционной формы признают отдельным подвигом, но при этом играющем «ведущую роль», судебную форму защиты [Суханов Е.А., 2006: 561–563]; [Треушников М.К., 2007: 14], наряду с другими. Здесь возникает вопрос: включается ли третейское разбирательство в судебную форму защиты? Сторонники узкого понимания категории «судебная защита» исключают арбитраж из судебной формы [Сахнова Т.В., 2014: 33]; [Треушников М.К., 2007: 14–15], сторонники широкого понимания — включают [Рожкова М.А., 2006: 10]; [Стремоухов А.В., 2017: 9–19]. Безусловно, имеются исследования, авторы которых не поддерживают указанной классификации и признают арбитраж самостоятельной формой защиты [Болгова В.М., 2000]; [Канюкаева А.Р., 2010].

Неоднозначность в понимании критерия для отнесения арбитража к одной из форм вносит следующее: учитывает ли автор различие категорий «урегулирование спора» и «разрешение спора», использует ли он категориальный аппарат, заимствованный из практики США (альтернативные способы разрешения спора)³. Как правило, использование категории «альтернативные способы разрешения спора» позволяет в теории отграничить третейское разбирательство от судебной формы защиты и выделить его в рамках юрисдикционной формы [Базилевич А.И., 2001: 114–128].

Сохраняя общую идею, разовьем указанную мысль с учетом авторской терминологической оговорки, приведенной ранее, и перефразируем: можно ли говорить, что третейское разбирательство является правоприменительной деятельностью, осуществляемой в судебном порядке? Полагаем, что вопрос отнесения третейского разбирательства с позиции науки гражданско-

³ Термин «альтернативное разрешение споров» является переводом термина Alternative Dispute Resolution (официальная аббревиатура — ADR), используемого в доктрине и законодательстве США.

го права и указанных выше критериев к юрисдикционной форме защиты сомнений не вызывает. С применением смысла ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)⁴ разрешение спора относится к судебному порядку. Отметим, что определение места арбитража в данном контексте носит междисциплинарный характер. При этом в судебном порядке правоприменительная деятельность по реализации механизма защиты гражданских прав может осуществляться как государственными органами (правосудие), так и негосударственными органами (третейский суд).

Принципиального внимания требует неоднозначное употребление термина «суд» в нормативных актах. Выявление точного смысла категорий, включающих термин «суд», имеет важное значение, поскольку подход к исследованию правовой природы арбитража должен носить комплексный характер, предусматривающий анализ положений теории права, норм конституционного, гражданского материального и процессуального законодательства, а также закона о третейском разбирательстве.

Статья 11 ГК РФ предусматривает, что защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляют суд, арбитражный суд или третейский суд в соответствии с их компетенцией. По смыслу указанной нормы в совокупности с содержанием конституционного права на судебную защиту можно заключить, что при выборе сторонами негосударственной формы защиты прав (арбитража) реализуется конституционное право на судебную защиту.

В силу ч. 3 ст. 1 ФЗ-382 в арбитраж по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Иными словами, конституционное право на судебную защиту реализуется через призму нормы ст. 11 ГК РФ посредством заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда и имеет частноправовую природу, то есть стороны реализуют право на защиту посредством образованного ими суда.

Таким образом, деятельность третейского суда при рассмотрении и разрешении спора между сторонами с позиции теории права следует относить к правоприменительной деятельности в смысле широкого понимания правоприменения⁵. Деятельность третейского суда не является правосудием как формой государственного правоприменения, но является правоприменительной деятельностью, осуществляемой частным субъектом.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СЗ РФ от 05.12.1994 № 32. Ст. 3301.

⁵ В рамках широкого толкования ключевым в понимании правоприменения является его содержание, а не орган реализации. В узком смысле правоприменение понимается как способ реализации права, который связан с властными действиями юрисдикционных органов и должностных лиц, выступающих от имени государства, выполняя возложенные на них специальные функции и полномочия (государственная деятельность).

Если рассматривать механизм защиты как совокупность «деятельностных» этапов, то очевидны общие элементы: деятельность уполномоченного органа (субъекта) по рассмотрению и разрешению дела, вынесение итогового акта и его исполнение. В этом отношении исполнение является неотъемлемой частью механизма судебной защиты прав субъектов, в том числе посредством третейского разбирательства.

1.2. Дискуссии о правовой природе решения третейского суда

Отдельные авторы признают, что арбитражное решение наделено специфическими свойствами, выделяющими его из ряда сходных правовых явлений [Курочкин С. А., 2007: 20]; [Попов М.А., 2002: 14].

Активизация научной мысли может быть связана с выражением воли государственной власти относительно развития альтернативных форм урегулирования споров в целом, и третейских судов, в частности, с обновлением законодательной базы в указанной сфере. В последние годы сформулированы научные воззрения на арбитраж (третейское разбирательство) как на уровне диссертационных исследований [Попов М.А., 2002]; [Зайцев А.И., 2004]; [Курочкин С.А., 2004]; [Лебедев М.Ю., 2005]; [Гавриленко В.А., 2006]; [Гимазова Э.Н., 2007], так и отдельных дискуссионных высказываний, в том числе по вопросам правовой природы решения третейского суда. Так, Т.В. Летута, рассуждая о неоднозначности решения третейского суда как правового института, отмечает, что «вопросы правовой природы решения и его легитимации, то есть придания законности или государственного признания юридической силы, решения третейского суда приобретают особый научный и практический интерес» [Летута Т.В., 2013: 72]. Е.В. Михайлова указывает на отсутствие «единства во взглядах на природу самого третейского соглашения и непосредственно третейского разбирательства» [Михайлова Е.В., 2014: 118], следовательно, и на правовую природу решения третейского суда, как результат правоотношения.

При этом многими процессуалистами решение третейского суда характеризуется с различных правовых позиций. К первой группе с уверенностью можно отнести сторонников того, что в основе всего — генетическая природа института арбитража. Традиционно дискутируют представители двух основных теорий: договорной (концессуальной) и процессуальной (юрисдикционной). В итоге либо отношения сторон имеют характер гражданско-правового договора, и решение третейского суда рассматривается как своего рода новация договора [Скворцов О.Ю., 2017: 61]; [Михайлова Е.В., 2014: 118]; [Муранов А.И., 2014: 281]; [Рожкова М.А., 2005: 36–37], либо теория базируется на альтернативном характере третейского соглашения, а решение третейского суда выступает как акт волеизъявления арбитра, имеющее

такое же юридическое значение, как и решение государственного суда [Ванеев А.С., Дякин Д.Б., 2010: 11].

Основной смысл смешанной теории (доктрины *sui generis*), объединяющей две предыдущие концепции, состоит в том, что третейское соглашение, условия его действительности, правосубъектность участников регулируются нормами материального права (гражданского, договорного), а само третейское разбирательство осуществляется при использовании конструкций процессуального права [Ануфриева Л.П., 2001: 146].

Изучение анализируемых концепций позволило идентифицировать в науке также автономную (концессуальную) теорию частного процессуального права, а также теорию деюридизации арбитража. Однако они не нашли широкого понимания и пропагандируются отдельными деятелями научного сообщества. Так, например, деюридизация арбитража имеет, пожалуй, единственного сторонника — Р. Давида (автора этой теории) [David R., 1953: 15]. Таким образом, вопрос о правовой природе решения третейского суда по-прежнему порождает дискуссии.

1.3. Сущность решения третейского суда с позиции деятельностного подхода

Согласно положениям п. 2 ст. 2 ФЗ-382 арбитраж (третейское разбирательство) представляет собой процесс разрешения спора третейским судом и, по смыслу ст. 32 указанного Закона, принятия решения третейским судом (арбитражного решения).

Показательно, что терминологического определения «решение третейского суда», равно как и «арбитражное решение», в законодательстве не содержится. При этом ранее в отечественном праве употреблялось понятие именно «решение третейского суда». Формулировка «арбитражное решение» использовалась скорее в контексте перевода с английского⁶, в качестве синонима термина «решение третейского суда». В Законе РФ «О международном коммерческом арбитраже»⁷ говорится об «арбитражном решении». В настоящее время с учетом принятия ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» оба термина употребляются как синонимы.

При этом одной из существенных теоретических проблем, которые необходимо разрешить с целью выработки понятия «решение третейского суда» («арбитражное решение») является его характеристика с позиции итогово-

⁶ «Arbitral award», «award».

⁷ Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 25.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже» // СПС КонсультантПлюс.

го акта частного правоприменения. Другими словами, следует определить сущностное содержание решения третейского суда. В указанном аспекте необходимо подвергнуть анализу цель (результат) частного правоприменения (арбитража) — «обеспечение оптимального функционирования комплекса общественных отношений, на которые оказывается воздействие, и создание условий для их дальнейшего развития» [Курочкин С.А., 2017: 220].

Не вполне эффективно использование сравнительного метода исследования, где на основании установленных в науке гражданского процессуального права представлений о судебном решении как акте правосудия, которым дело разрешается по существу, можно выявить отличительные особенности итогового акта третейского суда. Вместе с тем ряд авторов анализируют правовую природу решения третейского суда в сравнительной характеристике с итоговым актом государственного суда [Скворцов О.Ю., 2017: 207–208]. Следует отметить, что вопросам понятия и сущности судебного решения в науке гражданского процессуального права уделено достаточно внимания классиками российского цивилистического процесса [Малышев К.И., 1909]; [Энгельман И.Е., 1912], особенно в советский период [Краснокутский В.А., 1924]; [Абрамов С.Н., 1952]; [Авдюков М.Г., 1959]; [Клейнман А.Ф., 1967]. Однако использование подобной методологии в данном случае не позволяет выделить характеристик сущностного содержания рассматриваемого акта именно с позиции правоприменительной деятельности.

Анализ решения третейского суда через конструкцию правоотношения в целом и оценка его как юридического факта также не является приемлемой.

Основываясь на выработанных теорией права положениях относительно признаков акта правоприменения, а также сущностной характеристики акта частного правоприменения выделим основные признаки решения третейского суда. Во-первых, решение третейского суда представляет собой акт частного правоприменения, характеризует завершающую стадию правоприменения третейского суда в рамках разрешения конкретного гражданско-правового спора, переданного сторонами в третейский суд на основе третейского соглашения. Третейские суды возникли ранее судов государственных, по своей характеристике являются органом по урегулированию споров, формируемым наиболее демократическим способом.

Во-вторых, с точки зрения места в механизме правового регулирования решение третейского суда является средством регулирования отношений. В основе реализации механизма арбитража лежит конституционное право на судебную защиту, которое реализуется через призму нормы ст. 11 ГК РФ посредством заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда. Вынесение третейским судом решения необходимо сторонам для дальнейшего регулирования существующих отношений. Согласно положениям ст. 33 ФЗ-382, если в ходе арбитража стороны урегулируют спор,

третейский суд прекращает третейское разбирательство и по просьбе сторон утверждает мировое соглашение, облекая его в форму арбитражного решения на согласованных условиях. Это решение имеет ту же силу и подлежит исполнению так же, как и любое другое арбитражное решение по существу спора.

В-третьих, решение третейского суда не содержит государственно-властного веления, не становится общеобязательным. Именно веление характеризует решение государственного суда как акт правосудия, имеет формальные признаки (выносится от имени государства) и проявляется в свойстве общеобязательности для всех органов и организаций, а не только для участников процесса.

2. Принудительное исполнение решения третейского суда

2.1. Особенности исполнения решения третейского суда

Статья 38 ФЗ-382 называется «Обязательность арбитражного решения» и провозглашает положение о том, что «стороны, заключившие третейское соглашение, принимают на себя обязанность добровольно исполнять арбитражное решение». Содержание указанной нормы имеет важное смысловое значение в понимании исполнения решения третейского суда. Во-первых, обязательность решения касается исключительно сторон спора и не может отождествляться со свойством общеобязательности законной силы судебного решения.

Во-вторых, обязанность добровольно исполнить решение есть следствие не факта разрешения спора третейским судом, а факта имеющейся между сторонами договоренности об избрании в качестве формы защиты третейский суд. Истоки обязанности добровольно исполнить вытекают не из решения третейского суда, а из соглашения сторон, заключенного до передачи дела в третейский суд.

Вместе с тем нельзя утверждать, что обязанность добровольно исполнить решение третейского суда в момент заключения арбитражного соглашения (оговорки) возлагается договором на конкретную сторону спора. В связи с этим встает теоретический вопрос: если, принимая на себя указанную обязанность, стороны фактически соглашались с основными принципами, которые лежат в основе арбитража, нельзя ли утверждать, что добровольное исполнение решения третейского суда — это презумпция?

В юридической науке понимание правовой презумпции не вызывает споров: «Это закрепленное в правовой норме вероятностное опровержимое предположение о существовании юридического факта, основанное на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и

предполагаемым» или «ожидание определенных действий от других людей» [Пронина М.П., 2010: 7, 19].

Однако, несмотря на возможность определения обязанности добровольно исполнить (в данном случае — решение третейского суда) как презумпцию поведения, будет проигнорирован главный признак презумпции — вероятностный характер. Целью закрепления правовых презумпций в нормативных актах является придание стабильного характера правовым отношениям в тех вопросах (обстоятельствах), которые фактически носят неоднозначный (вероятностный) характер. Содержание ст. 38 ФЗ-382, используя формулировку «обязанность исполнить», тем самым исключает вероятностный характер поведения участника.

Исходя из того, что обязанность исполнить вытекает не из решения третейского суда, а из соглашения сторон, заключенного до передачи дела в третейский суд, а также возможность определения таковой обязанности как меры должного поведения, позволяет сформулировать вывод: исполнение решения третейского суда — это обязанность стороны, реализуемая в рамках отношений сторон по урегулированию гражданских правоотношений посредством применения альтернативной формы разрешения спора — третейского разбирательства, возникающей на основании соглашения сторон. При этом указанную обязанность следует определять и как «необходимую предопределенность» [Каримова Р.Р., 2008: 9].

Вместе с тем без ответа пока остается вопрос о субъективном характере данной обязанности, поскольку в момент заключения соглашения она не входит в объем правового статуса ни одной из сторон и тем самым имеет неопределенный характер. Значение решения третейского суда в этом смысле становится фактом, который вносит определенность в субъективный характер обязанности, поскольку конкретизирует обязанное лицо в резолютивной части решения.

2.2. Как принудительное исполнение встраивается в «логику» арбитража?

Завершающей стадией правоприменительной деятельности в целом является исполнение решения суда, выраженного в акте применения права. Принудительное приведение в исполнение решения третейского суда — самостоятельная и исключительная стадия, осуществляемая вне рамок третейского разбирательства, может быть инициирована стороной третейского разбирательства в случае неисполнения арбитражного решения добровольно, при этом отношения участников переходят в плоскость публично-правовых.

В рамках частного правоприменения посредством третейского разбирательства осуществляется разрешение гражданско-правового спора, при этом действенность указанной формы защиты обеспечивается за счет включения

в механизм арбитража «публичного» элемента, когда государственный суд по просьбе стороны спора путем публичных процедур обеспечивает выдачу исполнительного листа. Так происходит фактическая защита права. При отсутствии подобного усложнения механизма добиться восстановления нарушенного права было бы невозможно. Эффективность такой альтернативной формы разрешения споров, как третейский суд, была бы под сомнением.

Выдача компетентным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда — основа принудительного исполнения арбитражного решения. При этом стадией третейского разбирательства принудительное исполнение не является. Процессуальная возможность принудительного исполнения обусловлена реализацией задачи государства по содействию в деятельности и развитии третейских судов. Для реализации данной задачи в механизм арбитража включен «публичный» элемент, предполагающий возможность принудительно исполнить решение третейского суда, который носит факультативный характер и осуществляется согласно исполнительному листу, выданному на основании акта государственного суда.

2.3. Понимание процессуальной формы арбитража с позиции деятельностного подхода

Правоотношение, возникающее между третейским судом и сторонами третейского разбирательства, является процессуальным отношением, оно реализуется в рамках процессуальной формы. Процессуальная форма арбитража является разновидностью гражданской процессуальной формы и может быть определена как порядок частноприменительной деятельности третейского суда по защите прав субъектов. Дополнительными признаками для выявления особенностей процессуальной формы арбитража выступают основания их закрепления (помимо норм закона, соглашение сторон). Также, по мнению автора, основанием специфики сочетания частных и публичных начал при конструировании процессуальной формы арбитража являются правовая природа механизма арбитража, его этапы.

В связи с этим процессуальную форму арбитража, урегулированную нормами гражданского процессуального права, следует определить как разновидность гражданской процессуальной формы. При этом она является системой правил реализации правоприменительной деятельности в целях защиты нарушенных и оспоренных гражданских прав субъектов. Иными словами, процессуальная форма арбитража включает совокупность правил проведения судебного разбирательства дела третейским судом в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке разрешения спора (правила арбитража), а также правил правоприменительной деятельности органов государственной власти (именуемых «публичными» элементами) с целью содействия в реализации механизма арбитража.

Правоприменительная деятельность в рамках третейского разбирательства в основном носит частноправовой характер, определяется субъектами спора самостоятельно в рамках, установленных законом. При условии соблюдения положений ФЗ-382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» стороны могут по своему усмотрению договориться о процедуре арбитража (ч. 1 ст. 19). Тем не менее сочетание частных и публичных начал в установлении правил арбитража следует рассматривать как особенность процессуальной формы, а не как признак ее изоляции.

Однако определение механизма арбитража будет неполным, если рассматривать сочетание частных и публичных начал только в рамках установления правил арбитража. О сочетании частных и публичных начал следует отметить и в контексте правового регулирования. Указанная особенность обусловлена функциями государства в сфере защиты прав граждан и организаций. В данном случае сфера частного правоприменения предполагает вмешательство государства посредством реализации отдельных полномочий. С точки зрения цели государственной политики в сфере деятельности третейских судов следует выделить две основные задачи: содействие деятельности третейских судов (развитие альтернативной формы защиты) и контроль (поскольку защита гражданских прав гарантирована государством).

Применительно к анализу специфики процессуальной формы третейского разбирательства мы можем говорить о включении «публичных» элементов, которые опосредованы задачами государства в указанной сфере и носят факультативный характер.

Указанное включение элементов оправдано определенными смыслами. При выборе сторонами негосударственной формы защиты прав (третейского суда) реализуется конституционное право на судебную защиту, но не посредством процессуального права на обращение в суд, имеющего публичную природу, а через призму нормы ст. 11 ГК РФ путем заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда и имеет частноправовую природу. Следовательно, включение «публичного» элемента в виде возможности принудительно исполнить третейское решение следует рассматривать как понимание права на суд в смысле толкований ЕСПЧ⁸ и КС РФ⁹. В данном смысле отсутствует противоречие в контексте целостности процессуальной формы арбитража.

⁸ В частности, Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 «Дело «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04) // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 4.

⁹ Постановление КС РФ от 10.03.2016 № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» // СПС Консультант Плюс.

Третейское разбирательство как альтернативная форма разрешения споров представляет собой деятельность частноприменительного характера, реализуется в процессуальной форме и оканчивается вынесением решения третейского суда. Дополнение процессуальной формы арбитража «публичными» элементами носит факультативный характер и действует на основании волеизъявления стороны спора. Таким образом, процессуальная форма арбитража не предполагает «признания» решения третейского суда со стороны государства. Подобное понимание подрывает альтернативный характер и авторитет арбитража. Также следует различать деятельность государственного суда в рамках оспаривания решения третейского суда и в рамках выдачи исполнительного листа. Несмотря на сходство оснований¹⁰, которые закреплены в законе, целью подачи заявления об оспаривании является отмена третейского решения, и в случае удовлетворения заявления акт частного применения прекращает свое действие. В случае выдачи исполнительного листа заявитель в результате рассмотрения дела судом приобретает или теряет возможность принудительного исполнения, но действие третейского решения не прекращается.

Включение в механизм арбитража элементов, обусловленных реализацией задач государства в сфере третейского разбирательства, позволяет, с одной стороны, наиболее полно определить содержание отдельных институтов, с другой, провести анализ законодательных изменений и перспектив в развитии процессуального законодательства и норм, регулирующих арбитраж.

Частноправовой характер арбитража предусматривает возможность включения в свою структуру отдельных «публичных» элементов, обусловленных задачами государства в сфере правового регулирования деятельности третейских судов. Публичные элементы арбитража являются факультативными, то есть имеют исключительный характер. Таковой характер «публичных» элементов подтверждает и тот факт, что процессуальные возможности, ими опосредованные, распространяются лишь на деятельность постоянно действующих третейских учреждений. Поскольку основные функции в сфере государственного содействия и контроля возложены на суды, входящие в судебную систему¹¹, то нормативное регулирование «публичных» элементов осуществляется нормами гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

Вместе с тем отметим, что сочетание частных и публичных начал в правовом регулировании характерно не только для третейского разбирательства

¹⁰ Речь идет о перечнях оснований для отмены решения третейского суда (ч. 3 и 4 ст. 421 ГПК РФ, ч. 3 и 4 ст. 233 АПК РФ) и оснований для отказа в выдаче исполнительного листа (ч. 3 и 4 ст. 426 ГПК РФ и ч. 3 и 4 ст. 239 АПК РФ).

¹¹ Статья 6 «Органы для выполнения определенных функций содействия и контроля в отношении арбитража» Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ.

как деятельности по рассмотрению и разрешению гражданско-правовых споров, но и в целом для сферы деятельности третейских судов. Так, «публичные» элементы, обусловленные спецификой правового регулирования, включены в процедуру создания постоянно действующих третейских судов, их администрирования и т.д.

Исследование места принудительного исполнения решения третейского суда связано с анализом производства по делам о выдаче исполнительных листов на решения третейских судов¹². Указанный порядок, будучи «публичным» элементом, включается в процессуальную форму арбитража, существует внутри процессуальной формы третейского разбирательства и носит исключительный (факультативный) характер.

Таким образом, с позиции процессуальной формы принудительное исполнение решения третейского суда представляет собой «публичный» элемент и имеет следующие особенности: осуществляется в рамках гражданской процессуальной формы; момент начала принудительного исполнения, ключевые этапы исполнительного производства сопровождаются вынесением со стороны суда соответствующих актов; действия государственного суда и органа принудительного исполнения отвечают единой цели — защите нарушенных гражданских прав субъекта.

2.4. Содержание «публичного» элемента процессуальной формы арбитража

Под содержанием «публичного» элемента, включенного в процессуальную форму арбитража, автор понимает обеспеченную государством возможность принудительно исполнить решение третейского суда. Его процессуальными особенностями выступают два последовательных этапа: предварительный, реализуемый судом в рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. На этом этапе проводится проверка решения третейского суда; основной, реализуемый в рамках исполнительного производства на основании определения суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Нормативное регулирование отдельных этапов оправдано статусом органа, осуществляющего правоприменение, и поэтому находит закрепление в различных процессуальных нормативных актах. Анализ предварительного этапа принудительного исполнения требует более подробной сущностной характеристики деятельности государственного суда в ходе производства по выдаче исполнительного листа. Посредством производства по делам

¹² Глава 47 ГПК РФ и § 2 главы 30 АПК РФ.

о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда реализуется контрольная функция.

При этом если мы рассматриваем арбитраж как правоприменительную деятельность в рамках реализации права на суд (через призму ст. 11 ГК РФ), то его решения находятся в правопорядке, но являются актом не публичного, а частного правоприменения. Предметом проверки в рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда является соблюдение третейским судом при разбирательстве дела определенных границ процессуальной формы правоприменительной деятельности, которые установлены законом для арбитража.

В связи с этим следует определить, соблюдение каких требований при проведении арбитража должно быть установлено государством (в лице компетентного суда) для решения вопроса о возможности принудительного исполнения третейского решения? Обращение к нормам ФЗ-382 позволяет говорить о ряде требований. При этом анализ данных требований представляет трудность, в том числе с точки зрения законодательного регулирования.

В первую очередь учтем характеристику норм ФЗ-382. Указанное в нем содержание требований с позиции процессуальной формы условно можно разделить на две группы. Первая группа касается вопросов, связанных с выбором формы защиты права: соблюдение требования о категории рассматриваемого третейским судом дела (ч. 3 и ч. 4 ст. 1) и соблюдение порядка при выборе формы при заключении арбитражного соглашения (ст. 7), вторая группа — это соблюдение обязательных требований к процессуальной форме арбитража (ст. 26, 27, 31). Эти требования определены в виде обязательных с воззрения закона компонентов арбитража и не могут быть изменены правилами арбитража. При этом определение категории «правила арбитража» не является синонимом категории «процессуальная форма арбитража» и установлено п. 10 ст. 2 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» — это правила, регулирующие арбитраж, в том числе администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением. Категория «правила арбитража» включает в себя только совокупность частноправовых элементов в процессуальной форме арбитража и не включает публичных элементов.

Таким образом, именно указанные требования закона и определяют границу, выход за пределы которой рассматривается как нарушение баланса частных и публичных интересов в регулировании процессуальной формы арбитража.

Поскольку предварительный этап «публичного» элемента процессуальной формы арбитража осуществляется государственным судом, то закрепление порядка проведения проверки в процессуальных кодексах является логичным. Основной этап реализуется судебным приставом-ис-

полнителем в процессуальной форме, закрепленной в ФЗ «Об исполнительном производстве»¹³.

Заключение

Для сохранения последовательности в изложении вопроса кратко обозначим цепочку: вынесение решения третейским судом — выдача исполнительного листа государственным судом — принудительное исполнение. В контексте единства в реализации механизма защиты гражданских прав автор рассматривает их как последовательные этапы, которые объединены целью защиты прав и законных интересов субъектов. При этом исполнение является необходимым завершающим этапом всего механизма.

В рамках подхода органов, осуществляющих правоприменение на каждом из указанных этапов, считаем определяющим их функциональное назначение с точки зрения закона. При этом акцент в переходе от этапа вынесения решения на этап выдачи исполнительного листа тесно связан с характером свойств решения третейского суда и был обоснован ранее.

С позиции процессуальной формы следует подчеркнуть ее единство. Принудительное исполнение решения третейского суда, включающего этап выдачи исполнительного листа, является «публичным» элементом частно-правовой гражданской процессуальной формы арбитража. На этом этапе возникает определенная доктринальная дилемма. Она связана с соотношением понятий «правосудие» и «задачи гражданского судопроизводства» как лежащих в одной плоскости понятий и, с другой стороны — «механизм защиты прав» и его цель. Здесь, по нашему мнению, принципиальным является обозначить позицию для устранения неоднозначных толкований.

При системном толковании ст. 46 Конституции, закрепляющей гарантию судебной защиты прав и свобод каждого, и ст. 11 ГК РФ, устанавливающей, что защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд в соответствии с их компетенцией, а также пониманием единства механизма защиты гражданских прав как процесса правоприменения, логичен вывод: цель правоприменительной деятельности третейского суда аналогична цели гражданского судопроизводства в части защиты нарушенных или оспариваемых прав (ст. 2 ГПК РФ). В связи с этим защита нарушенных или оспариваемых гражданских прав является как целью правоприменительной деятельности суда, так и целью третейского разбирательства.

Таким образом, рассмотрение реализации судебной защиты, осуществляемой третейским судом в контексте механизма защиты прав субъектов,

¹³ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ от 08.10.2007. № 41. Ст. 4849.

делает ее целостной и завершенной как с позиции цели, так и с позиции процессуальной формы.

Список источников

1. Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1952. 420 с.
2. Авдюков М.Г. Судебное решение. М.: Госюриздат, 1959. 192 с.
3. Ануфриева Л.П. Международное частное право. М.: БЕК, 2001. 768 с.
4. Базилевич А.И. Формы защиты субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... к. ю. н. Ульяновск, 2001. 29 с.
5. Болгова В.М. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... к. ю. н. Самара, 2000. 38 с.
6. Ванеев А.С., Дякин Д.Б. Действительность арбитражной оговорки в российской и зарубежной практике // Вестник международного коммерческого арбитража. 2010. № 1. С. 28–45.
7. Гавриленко В.А. Третейское разбирательство споров как гарантия защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2006. 26 с.
8. Гимазова Э.Н. Гражданско-правовые средства обеспечения третейской защиты субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... к. ю. н. Казань, 2007. 24 с.
9. Громошина Н.А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. М.: Проспект, 2010. 264 с.
10. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007. 364 с.
11. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М.: Городец, 2000. 320 с.
12. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М.: Городец, 1997. 318 с.
13. Зайцев А.И. Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты): автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов, 2004. 26 с.
14. Канюкаева А.Р. Система процессуальных форм защиты в российском праве: автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов, 2010. 23 с.
15. Каримова Р.Р. Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации: автореф. дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2008. 22 с.
16. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М.: Изд-во Московского университета, 1967. 119 с.
17. Краснотутский В.А. Очерки гражданского процессуального права. Опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по судопроизводству и гражданскому судопроизводству. Кинешма: Иваново-Вознесенский губернский союз, 1924. 172 с.
18. Курочкин С.А. Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации: автореф. дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2004. 26 с.
19. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. 253 с.
20. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж как формы частного правоприменения // Правоприменение. 2017. № 2. С. 219–226.

21. Лебедев М.Ю. Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде: автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов, 2005. 30 с.
22. Летута Т.В. Правовая природа решения третейского суда // Современное право. 2013. № 5. С. 72–75.
23. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут, 2011. 495 с.
24. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб: М.М. Стасюлевич, 1874. 449 с.
25. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М.: Проспект, 2014. 280 с.
26. Мурадян Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов). М.: Проспект, 2003. 128 с.
27. Муранов А.И. В поддержку третейских проектов Минюста России // Третейский суд. 2014. № 2/3. С. 274–318.
28. Попов М.А. Теоретические и практические проблемы российской модели регулирования деятельности третейских судов: автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2002. 23 с.
29. Пронина М.П. Презумпции в современном российском праве: автореф. дис. ... к. ю. н. Нижний Новгород, 2010. 29 с.
30. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. Екатеринбург: Норма, 1999. 312 с.
31. Рожкова М.А. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М.: Статут, 2005. 572 с.
32. Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 392 с.
33. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. 784 с.
34. Скворцов О.Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации. М.: Юрайт, 2017. 239 с.
35. Стремоухов А.В. Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. Сер. Право. 2017. № 1. С. 9–19.
36. Суханов Е.А. (ред.) Гражданское право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
37. Треушников М.К. (ред.) Гражданский процесс. М.: Городец, 2007. 784 с.
38. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 646 с.
39. David R. Arbitrage en droit compare. *Revue international de droit compare*, 1953, no. 1, p. 15.
40. David R. Arbitration in international trade. Deventer: Kluwer, 1985. 482 p.

References

1. Abramov S.N. (1952) *Soviet civil process*. Moscow: Gosjurizdat, 420 p. (In Russ.).
2. Anufrieva L.P. (2001) *International private law*. Moscow: BEK, 768 p. (In Russ.).
3. Avdyukov M.G. (1959) *Judicial decision*. Moscow: Gosjurizdat, 192 p. (In Russ.).
4. Bazilevich A.I. (2001) Forms of protection of subjective civil rights. Candidate of Juridical Sciences Summary. Ulyanovsk, 29 p. (In Russ.).

5. Bolgova V.M. (2000) Forms of protection of subjective law: theoretical issues. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Samara, 38 p. (In Russ.).
6. Civil law (2006) E.A. Sukhanov (ed.). Moscow: Wolters Kluwer, 330 p. (In Russ.).
7. Civil procedure (2007) M.K. Treushnikov (ed.). Moscow: Gorodetz, 258 p. (in Russ.).
8. David R. (1953) Arbitrage en droit compare. *Revue internationale de droit compare*, no. 1, p. 15.
9. David R. (1985) *Arbitration in international trade*. Deventer: Kluwer, 482 p.
10. Degtyarev S.L. (2007) *Implementation of judicial power in civil proceedings: theoretical and applied issues*. Moscow: Wolters Kluwer, 364 p. (In Russ.).
11. Engelman I.E. (1912) *Course of the Russian civil proceedings*. Yuriev: Mattisen, 646 p. (In Russ.).
12. Gavrilenko V.A. (2006) Arbitration of disputes as a guarantee of protection of rights and interests of business entities. Candidate of Juridical Sciences Summary. Saint Petersburg, 26 p. (In Russ.).
13. Gromoshina N.A. (2010) Differentiation, unification and simplification in civil proceedings. Moscow: Prospect, 264 p. (In Russ.).
14. Himazova E.N. (2007) Arbitration protection of civil rights. Candidate of Juridical Sciences Summary. Kazan, 24 p. (In Russ.).
15. Kanyukaeva A.R. (2010) Procedural forms of protection in the Russian law. Candidate of Juridical Sciences Summary. Saratov, 23 p. (In Russ.).
16. Karimova R.R. (2008) Legal responsibilities: essence and implementation. Candidate of Juridical Sciences Summary. Ekaterinburg, 22 p. (In Russ.).
17. Kleinman A.F. (1967) *Latest trends in Soviet civil procedural law*. Moscow: MGU Press, 119 p. (In Russ.).
18. Krasnokutsky V.A. (1924) Essays on civil procedural law. Experience of systematization of legislation of the RSFSR and the USSR on legal and civil proceedings. Kineshma: Local union press, 172 p. (In Russ.).
19. Kurochkin S.A. (2004) Theoretical and legal bases of arbitration proceedings in the Russian Federation. Candidate of Juridical Sciences Summary. Ekaterinburg, 26 p. (in Russ.).
20. Kurochkin S.A. (2007) Arbitration of civil cases in the Russian Federation: theory and practice. Moscow: Wolters Kluwer, 253 p. (In Russ.).
21. Kurochkin S.A. (2017) Arbitration and international commercial arbitration as forms of private law enforcement. *Pravoprimerenie* = Law Enforcement, no. 2, pp. 219–226. (In Russ.).
22. Lebedev M. Yu. (2005) Development of the jurisdiction institute and its manifestation in the arbitration court. Candidate of Juridical Sciences Summary. Saratov, 30 p. (In Russ.).
23. Letuta T.V. (2013) Legal nature of arbitration court's decision. *Sovremennoye pravo* = Modern law, no. 5, pp. 72–75. (In Russ.).
24. Maleshin D. Ya. (2011) *Civil procedural system of Russia*. Moscow: Statute, 495 p. (In Russ.).
25. Malyshev K.I. (1874) *Course of civil proceedings*. Saint Petersburg: Stasulevich, 449 p. (In Russ.).
26. Mikhailova E.V. (2014) *Procedural forms of protecting subjective civil rights, freedoms and legitimate interests in Russia (judicial and non-judicial)*. Moscow: Prospect, 280 p. (In Russ.).

27. Muradyan E.M. (2003) *Judicial law (in the context of three procedural codes)*. Moscow: Prospect, 128 p. (In Russ.).
28. Muranov A.I. (2014) In support of arbitration projects of the Justice Ministry. *Arbirazhnyi sud* = Arbitration court, no. 2/3, pp. 274-318. (In Russ.).
29. Popov M.A. (2002) The Russian model of regulating of arbitration courts activity: theory and practice. Candidate of Juridical Sciences Summary. Saint Petersburg, 23 p. (In Russ.).
30. Pronin M.P. (2010) Presumption in the modern Russian law. Candidate of Juridical Sciences Summary. Nizhny Novgorod, 29 p. (In Russ.).
31. Reshetnikova I.V., Yarkov V.V. (1999) *Civil law and civil procedure in modern Russia*. Ekaterinburg: Norma, 312 p. (In Russ.).
32. Rozhkova M.A. (2005) *World transaction: use in commercial turnover*. Moscow: Statute, 572 p. (In Russ.).
33. Rozhkova M.A. (2006) *Means and methods of legal protection of the parties to a commercial dispute*. Moscow: Wolters Kluwer, 392 p. (in Russ.).
34. Sakhnova T.V. (2014) *Course of civil procedure*. Moscow: Statute, 784 p. (In Russ.).
35. Skvortsov O.Yu. (2017) *Arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation*. Moscow: Yurait, 239 p. (In Russ.).
36. Stremoukhov A.V. (2017) Human Right to protection and forms of its protection in Russia. *Leningradskiy juridicheskiy zhurnal* = Leningrad Legal Journal, no. 1, pp. 9–19. (In Russ.).
37. Vaneev A.S., Dyakin D.B. (2010) Validity of an arbitration clause in Russian and foreign practice. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha* = Bulletin of international commercial arbitration, no. 1, pp. 28-45.
38. Zaitsev A.I. (2004) Arbitration proceedings in Russia. Candidate of Juridical Sciences Summary. Saratov, 26 p. (In Russ.).
39. Zhilin G.A. (2000) Goals of civil proceedings and their implementation in the court of first instance. Moscow: Gorodetz, 320 p. (In Russ.).
40. Zhuikov V.M. (1997) *Judicial protection of the rights of citizens and legal entities*. Moscow: Gorodetz, 318 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

А.Н. Петрунева — научный сотрудник.

Information about the author:

A.N. Petrunova — Researcher.

Статья поступила в редакцию 03.09.2020; одобрена после рецензирования 17.12.2020; принята к публикации 14.01.2021.

The article was submitted 03.09.2020; approved after reviewing 17.12.2020 ; accepted for publication 14.01.2021.